

Почерк в блокноте был до того размашистым и корявым, что Юнь Мэнцзэ пришлось перечитывать эту каракулевую вязь дважды, прежде чем удалось раззолотить смысл написанного:

«Он — отпрыск влиятельного рода, основатель инвестфондов, известный венчурный капиталист, искатель приключений и знаменитый плейбой... О таких говорят: рождён не просто с золотой ложкой во рту, а на собственном золотом руднике. Статный, чертовски обаятельный, разбивший немало сердец — как женских, так и мужских, — но никому так и не отдавший своё.

Однако даже столь ослепительному мачо не удалось избежать непреложного закона богатых наследников: у каждого мажора есть свой недостижимый идеал, его чистый "белый месяц". И чем он богаче да развратнее, тем ярче сияет этот свет в его груди.

Как единственный наследник семьи Фэн, искушённый соблазнитель и вечный повеса, никогда не страдавший от недостатка внимания, он хранил память о той самой, единственной любви. И поскольку до алтаря они так и не дошли, эта незаживающая рана жгла его трепетное сердце день и ночь.

И вот однажды, во время очередного кутежа, он заметил крошечную звёздочку — актеришку тридцатого эшелона, как две капли воды похожего на тот самый идеал. В то же мгновение сердце его ёкнуло. Вооружившись неотразимым шармом и астрономической суммой за "содержание" — а точнее, именно чековой книжкой, — он добился своего. Был подписан контракт, и бедняга стал его тайным любовником-заменителем.

Но хищник есть хищник. Имея под боком послушный эрзац, утихомирить свою страсть он так и не смог и параллельно крутил романы с какими-то Сяо Хуэй, А-Мэй, Мэнмэн и бог весть кем ещё...»

Юнь Мэнцзэ читал эту драму о заносчивом мажоре и бедном актёре с улыбкой, но под конец не удержался и мысленно проворчал: «Ну и дрянь же этот типок».

— Это ты про Фэн Дунъюэ написал? — поинтересовался он у Е Чжэня.

Е Чжэнь медленно кивнул:

— Вчера утром я проходил с Дин Юем мимо его палаты. Там собралась куча медсестёр, и он на полном серьёзе рассказывал... про вас с ним. Я хотел уйти, но Дин Юй...

Дин Юй хоть и числился «мертвецом», беспомощным в быту и неспособным к сочинительству, реагировал на чужие истории с вездливостью настроенного механизма: слышал сюжет — и принимался лихорадочно заносить его на бумагу.

Когда они проходили мимо, Фэн Дунъюэ как раз самозабвенно травил байки про Юнь Мэнцзэ: сколько раз тот ходил на свидания вслепую, кем работает, кто его родня и даже какого бренда на нем нижнее белье... Эпицентр сплетен словно переместился из ординаторской прямо к нему в палату.

А затем разговор съехал на «белый месяц» и всех этих многочисленных девиц. Слушая этот бред, Е Чжэнь чувствовал, как внутри всё сжимается от сочувствия, а в желудке завязывается тугой узел досады за доктора Юня.

— Я сомневался, стоит ли говорить, — Е Чжэнь опустил голову, нервно перебирая пальцы. — Но подумал, что вам лучше знать. Не хочу, чтобы вас ранили... Как когда-то меня.

Юнь Мэнцзэ молча вздохнул.

После недавнего визита Шэнь Сяньчжэ мысли Е Чжэня вновь пошли наперекосяк. История Фэн Дунъюэ задела больное, вынудив его вновь переживать собственную драму.

В шоу-бизнес Е Чжэнь попал совсем юным, в девятнадцать лет, и толком не понял, как оказался в сети. Шэнь Сяньчжэ взялся его содержать, подсунув контракт на три года. Дальше всё пошло по банальному сценарию: юноша без памяти влюбился в своего покровителя. И хотя со временем он начал замечать, что у того появляются увлечения на стороне, слепая любовь глушила разум. Стоило Шэнь Сяньчжэ бросить пару ласковых слов, как Е Чжэнь снова убаюкивал себя сладкими иллюзиями, напрочь забыв, что их связывает лишь сухая бумага.

Сказка закончилась ровно через три года. Шэнь Сяньчжэ достал документ и с мягкой улыбкой напомнил, что срок истёк, после чего заботливо передал ему уже упакованные чемоданы.

У Е Чжэня тогда всё внутри похолодело. Он и помыслить не мог, что их чувства были лишь его собственной выдумкой. Менеджер только пальцем у виска покрутил: надо быть законченным наивняком, чтобы принимать покупную ласку за чистую монету.

Спрятав боль глубоко внутри, Е Чжэнь заглушал её работой. Он соглашался на любые съёмки, передачи и шоу, работая как проклятый. И эта отчаянная пахота принесла плоды: благодаря привлекательности, мягкому характеру и редкой трудоспособности он быстро завоевал любовь публики и уважение к коллегам. Карьера стремительно пошла в гору.

И как раз в тот момент, когда он пробился в высшую лигу, Шэнь Сяньчжэ решил вернуть себе старую игрушку. И на этот раз действовал напролом.

Сначала Е Чжэнь упорно отстранялся, но бывший покровитель сыпал ухаживаниями столь изошрённо, что снова сумел затронуть нужные струны. Е Чжэнь, так и не вырвавший эту привязанность из сердца, решил, что ветреный бизнесмен наконец образумился, и согласился склеить разбитую чашку.

Но идиллия длилась недолго. Вскоре тревожные звончки зазвучали вновь. Не желая отравлять отношения подозрениями, Е Чжэнь искал вину в себе: мол, мало уделяет времени любимому из-за съёмок, слишком мнителен, слишком требователен. На фоне этих терзаний прогрессировало тревожное расстройство, и он начал заедать стресс, быстро теряя контроль.

А потом он вернулся со съёмок раньше времени и застал Шэнь Сяньчжэ с поличным. Вспыхнул скандал, в ходе которого тот без зазрения совести заявил, что Е Чжэнь сам виноват: вечно пропадает на площадке, а ему, видите ли, одиноко.

Это стало последней каплей. Е Чжэнь поставил точку. Однако Шэнь Сяньчжэ и не думал отступить, заявляя, что все прочие — лишь мимолётная интрижка, а любит он только его.

Е Чжэнь прятался от него как мог. Единственным светлым пятном в те дни стала престижная кинопремия: его талант наконец признали на самом высоком уровне, вручив статуэтку за лучшую мужскую роль.

Но вслед за триумфом грянула катастрофа. В сеть хлынул поток грязи: припомнили и неприглядную историю его семьи, где мать ушла к дяде, и факт жизни на содержании. Сплетни быстро обросли жутковатыми подробностями и откровенной ложью — говорили, будто он пробивался через постель, купил титул актера года, садился пьяным за руль, употреблял запрещенные вещества и избивал ассистентов. И «свидетели» находились мгновенно.

На Е Чжэня обрушилась травля. Друзья отвернулись, компания заморозила контракты, а сам он превратился в тень, панически боящуюся выходить на улицу. Лишь спустя время выяснилось, что за этой низостью стоял Шэнь Сяньчжэ.

Смотря на сломленного юношу, тот буднично пояснил: Е Чжэнь стал слишком самостоятельным и птицу пора вернуть в клетку. И с нежной заботой добавлял: «Я просто слишком сильно тебя люблю. Ты взлетел слишком высоко, а чтобы ты остался со мной, пришлось подрезать тебе крылья».

Психика Е Чжэня не выдержала. Последовало долгое лечение. И хотя в последнее время его состояние стабилизировалось, находить общий язык с людьми ему до сих пор было тяжело. При этом по натуре он оставался слишком мягким человеком: не умел отказывать и вечно переживал за других в ущерб себе.

Единственным, с кем он чувствовал себя в безопасности, оставался Дин Юй. Тот большую часть времени безмолвно лежал на кровати, и присутствие «живого трупа» не вызывало у Е Чжэня тревоги.

Когда пришло известие, что Шэнь Сяньчжэ снова здесь, Е Чжэнь хотел отказаться от встречи. Но, боясь застрять в своих страхах навсегда, всё же заставил себя выйти к нему — и снова не смог сдержать дрожи перед этим самоуверенным типом.

Юнь Мэнцзэ закрыл блокнот и произнес мягко:

— Между мной и господином Фэном ничего нет. Он тяжело болен, отсюда и этот бред. Кстати, я планирую поставить с пациентами психодраму. Сценария практически нет — чистая импровизация. Не хочешь сыграть главную роль?

Главный герой в психодраме — это смысловой центр. Сюжет выстраивается вокруг его внутренних конфликтов, позволяя через игру выразить боль, отреагировать эмоции и нащупать путь к исцелению при поддержке остальных участников.

Е Чжэнь замер. Плечи его судорожно напряглись, а вокруг словно сгустился ощутимый омут тревоги.

Юнь Мэнцзэ мгновенно перестроился:

— Впрочем, пожалуй, спрошу Гуань Туна. Слышал, он мечтает об актёрской карьере.

— Об эстраде, — Е Чжэнь мгновенно расслабился, плечи его опали. — Думаю, у него отлично получится.

Юнь Мэнцзэ понимал: не заberi он свое предложение назад, Е Чжэнь из последней вежливости согласился бы, а потом изнывал бы от ужаса.

Уже у самого выхода Е Чжэнь замялся. Юнь Мэнцзэ, хоть и мысленно уже намылил шею Фэн Дунъюэ, на вид оставался совершенно спокойным:

— Нас с господином Фэном связывают только отношения врача и пациента. Так что правда, не бери в голову.

— Угу, — прошептал Е Чжэнь, взявшись за дверную ручку. — Главное, чтобы ты был счастлив.

Теперь Юнь Мэнцзэ понял, откуда у медсестёр эти загадочные ухмылки при его появлении. Когда он выходил из кабинета на поиски Гуань Туна, даже обычно строгая Чжу Сяонань не удержалась от подколки:

— Что-то наш главный артист совсем забросил съёмки. Неужели жизнь на содержании у миллионера оказалась слишком сладкой?

Юнь Мэнцзэ отшутился:

— Я уже передал агенту: вернись в кино, только если ты согласишься сыграть мою

возлюбленную.

— Ты бы лучше своего Фэна утихомирил, — с улыбкой погрозила пальцем Чжу Сяонань, опираясь на стойку. — Из-за него у меня девчонки работать перестали, все уши ушибли его байками.

— Да не "мой" он, — отмахнулся Юнь Мэнцзэ и бросил взгляд в окно.

На газоне снова было не протолкнуться. Этот «проходимец» явно вознамерился превратить лечебницу в свой личный парк развлечений. Юнь Мэнцзэ хотел было пройти мимо, как вдруг заметил среди присутствующих Шэнь Сяньчжэ.

Не понимая, как этот тип снова пробрался на территорию, он тут же попросил Чжун Мянью увести Е Чжэня в палату.

Едва Юнь Мэнцзэ вышел на улицу, Фэн Дунъюэ, чьи «радары» запели ещё издали, мгновенно зафиксировал его приближение. Однако на этот раз он не бросился навстречу, а остался сидеть с преувеличенно независимым видом, продолжая вальяжно беседовать с окружением.

Юнь Мэнцзэ качнул головой. Похоже, у этого горе-покровителя всё пылает ровно до первой вспышки. Впрочем, чему удивляться: для него доктор — лишь дешёвая копия, а все мысли занимал недостижимый идеал.

— Девушки, вас процедурная сестра искала, — бросил Юнь Мэнцзэ проходившим мимо медсестрам. — Сказала, та, что вернётся последней, будет дежурить всю неделю в ночную.

Белые халаты мгновенно ветром слизнуло с лужайки.

Окружение Фэн Дунъюэ поредело вдвое. Напустив на себя равнодушный вид, он окинул Юнь Мэнцзэ скучающим взглядом:

— А, это ты, милый. Только не надо снова включать ревность. Мы просто болтали, не принимай близко к сердцу.

Всю ночь его терзали сомнения, неужели Юнь Мэнцзэ и впрямь к нему охладел. Но затем нарциссизм взял своё: разве можно устоять перед столь статным, богатым и во всех отношениях выдающимся мужчиной?

И тут его «озарило»: Сяо Цзэцзэ просто ведет тонкую игру! Понимая, что обычными ужимками удержать золотого папочку не удастся, он решил напустить на себя неприступность. Типичный ход — прикинуться холодным, чтобы разогреть азарт!

От этой мысли Фэн Дунъюэ прямо распирало от гордости: надо же, этот мелкий актеришка применил против него весь свой арсенал!

И его появление здесь — наверняка продуманный шаг, попытка обратить на себя внимание. Но папочку Фэна на такой мякине не проведёшь: он заставит малого лично признаться в ревности и заявить права на своего покровителя!

«Идеальный план», — ухмыльнулся он про себя.

— Я вообще-то не к тебе, продолжай, — отрезанно ответил Юнь Мэнцзэ, не намереваясь играть в эти поддавки.

— Да брось, — Фэн Дунъюэ недовольно перехватил его за запястье. — Хватит ломать комедию. Скажи уже прямо, что у тебя на уме.

Юнь Мэнцзэ вздохнул и решил принять правила игры:

— Что ж, раз хочешь начистоту — давай. Ты ведь держишь меня под боком и осыпашь благодетелями только потому, что я похож на твой незабвенный идеал? Скажешь, не так?

<http://bllate.org/book/20119/1991973>